

Крестьянский сын и жар-птица (Коргуев)

Вот не в котором царстве, не в котором государстве, неподалеку от царства стояла деревня. И в этой деревне жил-был старичок. И этот старичок, конечно, он еще был в поре. Только у них не было никого детей. Он все занимался охотой. Ставил там силъя, ловил птиц и с этого кормился. И вот у них в одно прекрасное время родился сын. И он стал подрастать и выучился в грамоту, хотя немного. Потом, когда сын подрос, так годов двенадцати, и говорит отцу:

— Папа, возьми-ко ты меня охотиться, или хоть я посмотрю лесов.

Он говорит:

— Ну, что же, сын, давай, пойдем.

Они пошли в лес. Он ему дорогой и говорит:

— Вот что, сын, когда мы пойдем похажать силъя, тебе бы надо было тоже поставить сило на свое счастье, хотя одно; может, попало бы что.

Когда они пришли в лес, то отец показал ему, как поставить сило. И он поставил на свое счастье одно сило. Вот они опохажали все силъя и пошли домой. Попало им птицы много.

Старичок, когда пришли домой, эту птицу распродал. А они, конечно, с этого только и жили, с этого и кормились. Просидели они день-два, и снова походят.

— Но пойдем, узнаем, что нам теперь попало.

Идут, похажают, смотрят таотки. Не дошли до его сила еще, отец и говорит сыну:

— Смотри-ко, у твоего сила горит огонь.

Он смотрит. Да, горит огонь. Подошли ближе, огонь стал яснее и яснее. Когда пришли ближе, дедушко и говорит:

— Слушай, сынок, ведь попала в твое сило жар-птица.

И хочет к ней поближе подойти. Вот старик подошел, хотит ее взять, но птица ему не сдается, жжет его, огнем палит, в руки не сдается. Тогда он сказал сыну:

— Но, как ты поставил, так доставай теперь ее, как хочешь.

И подтолкнул своего сына ближе к силу. Когда он подтолкнул его ближе, то этот паренек берет ее. Она ему далась. Распутал он и положил в кошель. Они пошли дальше, остальные силья похожать. Пока они похожали, их затянуло долго, уже стало темно. Когда стало темно, то, несмотря на то, что жар-птица была в кошеле, она освещала им путь, как днем. И они пришли домой. Когда они пришли домой, старик которо распродал, которо для себя оставил и говорит старухе:

— А куда мы эту жар-птицу кладем? Мы, конечно, для себя ее не оставим, а кому-ни продаем. Может, за нее побольше дают.

Тогда старушка согласилась:

— Да, старичок, надо ее нести в город и там сдать купцу или прямо нести к царю. Пожалуй, неси прямо к царю, может быть он купит.

Вот этот старик положил птицу в мешок, сын ему помог, и пошел в город, прямо к царю понес птицу. Приходит он к царскому дворцу на двор. Тут же спросили его придворные:

— Дедушко, куда ты идешь? Дедушко отвечает:

— А я иду прямо лично к царю и хочу предложить ему жар-птицу, может быть он ее у меня купит.

Тогда придворные его провели к царю. Он пришел, поклонился:

— Здравствуйте, ваше величество. Потом говорит царь:

— Ну, что скажешь, дедушко, зачем пришел? Он ему отвечает:

— Может быть не желаете ли, ваше величество, купить у меня птицу; она мне попалась в сило.

— Ну, тогда покажи.

Начинает старик трясти из мешка. Когда вытряс, то так все осветилось, что переменило все царство от этого света.

Тогда сказал царь:

— Ну дедушко, дак сколько тебе надо за эту птицу, я столько тебе и даю. Я не знаю, ваше величество, а что дайте, как ваша милость будет, я то и возьму.

Он и говорит:

— Ну, дедушко, я вот тебе даю два анкирька золота да каменный дом; довольно будет?

Дедушко отвечает:

— Большое спасибо, ваше величество, сколько дайте — я доволен буду.

Сразу же царь приказал министру открыть подвал, дать дедушку золота и лошадь, перевезти золото и дом. Вот это все было сделано. Министр повел его, и когда он все получил, приехал, выложил дом и побежал к своей старухе (сначала успокоим старика, а потом пойдем дальше), приходит к старухе и говорит:

— Ну, теперь мы, старушка, разбогатели. Пойдемте, бросайте этот дом, сынок, и пойдемте в новый. На наш век и того хватит и хлеба, и всего — теперь без нужды жить станем.

Вот они приходят, конечно, в каменный дворец, заходят туда. Старичок и старушка прожили до глубокой старости. Сын потом женился. Теперь эта часть кончилась. Их оставим — перейдем к царскому сыну.

Когда этот царь получил птицу, он отвел ей особую комнату и стал сам ее кормить, что только она желала и что сам ел. И не доверял ключей от этой комнаты никому, чтобы ее никто не выпустил. Вот в одно прекрасное время и говорит жене:

— Но, жена, я теперь поеду во все государства и соберу пир. На пиру покажу эту жар-птицу. Пусть оценят все, сколько она будет стоить. Ее никто не видал. — И добавляет еще: — Вот, жена, я ключи от этой комнаты доверяю тебе. И ты их никому не давай, чтобы птица была сохранна.

И сам уехал по всем государствам повешать про эту птицу и собирать на бал. Пусть посмотрят, а он ее покажет. Он уехал, а у него был сын. Звали его Ванюшей. Он все бегал, играл на улочке. И случилось ему увидеть в окно эту жар-птицу. Когда он увидал, то жар-птица заговорила человеческим голосом:

— Ну, Иван-царевич, выпусти меня отсюда, я тебе пригожусь. Я отплачу тебе за это, чем только ты пожелаешь. Он и говорит; — Вот что, жар-птица, как же я тебя отпускаю: у меня нет ключей, и я не знаю, где они есть. Мне тебя, пожалуй, не отпустить будет.

— Так слушай, Иван-царевич, если ты желаешь меня отпустить, то я тебя научу, как это сделать. Вот сейчас же иди к матери и попроси, чтобы она у тебя поискала в голове. А в это время отвяжи ключ. Зайдешь в комнату, открой окно, и я улечу. А потом опять попроси поискать в голове, и привяжешь ключ на место.

Вот он сразу же приходит к матери. А как он был единственный сын, она его всегда потешала. Подошел и говорит:

— Мама, у меня что-то сегодня в голове чешется, поищи в голове.

— Дак что, ложись на колени, я поищу.

А в это время, когда она искала, он отвязал ключи. Вот она кончила. А он кряду же пошел в эту комнату. Приходит, открывает замок, открывает дверь и открывает окно.

— Вот теперь лети, жар-птица, не обижайся на меня, что я тебя не отпустил.

Она села на окно, растянула крылья и говорит:

— Но, Иван-царевич, оставь окно поло на шесть часов: если я не могу высоко подняться, я снова прилечу сюда через шесть часов, и ты тогда закрой окно. А если не прилечу, тоже закрой.

Он через шесть часов приходит, а она уже прилетела обратно.

— Но, Иван-царевич, я только могла подняться третью часть. Подержи меня еще трои сутки, а тогда выпустишь.

Он закрыл комнату и пришел к матке. Она опять поискала у него в голове, и он привязал ключи. И прошло трое суток. Опять же он подходит к матери:

— Поищи, мама, опять у меня что-то зачесалось в голове. А она не знала хитрости сына и говорит:

— Ну, ладно, сынок, ложись.

И стала искать. А он в это время опять же отвязал ключи. И она кончила только, он и пошел. Приходит в эту комнату и открывает комнату и окно. Жар-птица ему и говорит:

— Ну Иван-царевич, теперь продержи восемь часов окно, будё я не прилечу через восемь часов, то я могу подняться и улечу.

Он когда отпустил, ушел домой, оставил окно поло. Пришел через восемь часов, она сидит уже в комнате и говорит; — Ну, Иван-царевич, я сегодня

поднялась уже больше половины, а мне надо подняться, чтобы скрыть всю землю, тогда только я могу улететь в свое царство. Теперь ты держи меня шесть суток и корми.

Прожила она еще шесть суток, а уж он матери ключи привязал. Прошло шесть суток, он опять пришел к матери:

— Но, мама, поищи у меня еще в голове, видно, опять что-то завелось, а уж потом я не буду приневоливать.

Вот она кончила искать. Он взял ключи, пошел, открыл окно. Она ему и говорит:

— Но, Иван-царевич, если я не прилечу через девять часов, то я улетела, значит. А там, когда тебе будет нужда, то спомни меня.

Прошло девять часов — и нет жар-птицы. Он сейчас закрыл окно и заложил эту комнату. Сам пришел к матери:

— Ну, мама, поищи еще раз.

Она поискала, и в это время привязал ключ на место. Не через долго приезжает царь. И начали из разных государств собираться цари и также короли, князья и бояра. Когда только собрались, то царь пришел в эту комнату, где была жар-птица. Уж ее и нет, только осталось одно перо небольшое. Тогда приходит и говорит; . — Но, жена, сказывай, кто был в комнате и отпустил птицу, а то сейчас казнить буду. У меня собрались со всех государств цари и короли и бояра, а показать нечего — я как будто их обманул. Жена отвечает:

— Ну, муж, что хошь надо мной делай, а я не зваю, куда она делась. Я ее навещала сама только раз в сутки и ключей никому не давала.

Тогда подошел сын. Видит заплаканную мать свою. Ему стало жалко.

— Батюшке, это все есть вина моя. Я отпустил жар-птицу, делай со мной, что хошь, но матери моей напрасно не тревожь!

Потом он ему и говорит:

— Дак слушай, сынок, как ты смел отпустить; а ты, жена, как смела ему дать ключи?

— Нет, папа, она мне ключей не давала, а я взял эти ключи сам; уж как там ухитрился — это мое дело, а мама мне ключей не давала. Когда жар-птица стала проситься, она меня и научила, как отвязать у мамы ключи, и я так и

сделал: попросился поискать в голове и в это время отвязал ключи и выпустил птицу. И таким же манером привязал обратно на место, она про это и не знала. А теперь делай со мной, что хошь.

— Ну, коли так, ты сделал такое преступление, я тебя буду казнить.

Мать еще пуще заплакала. Тогда царь сказал:

— Ну, ладно, иди на обсуждение ко всем парям и королям, они тебе скажут наказание.

Пошли, и он захватил с собой это перо. Когда он привел, и говорит:

— Вот, товарищи, мой сын, и он сделал такое преступление: выпустил жар-птицу, только осталось от нее перо. И он выложил это перо на стол.

— Я его хочу казнить. Какое вы выносите ему присуждение? Они ему и отвечают:

— Ваше величество, вы, как сами знаете, что царского рода не казнят, не весят, а только можно выслать на все четыре стороны, но не снимать у него царского звания — это только есть наше такое решение. Тогда он сказал сыну:

— Ну, сын, сейчас же уходи из царства, куда знаешь, и никакого тебе не будет надела. Уходи, в чем стоишь.

Мать сильно, сильно заплакала, — так ей было жалко своего сына. И заговорила она:

— Слушай, как ты отец своему сыну, дак куда он теперь пойдет без лакея да без лошади? Все-таки попервости он не один пошел бы хоть.

Тогда царь приказал отыскать самую худую лошадь в конюшне и дал лакея. Звали этого лакея тоже Иваном.

И так они отправились на лошади: Иван-царевич и лакей Иван. Этот царь остался со своими царями и королями, и только так они ему поверили, что у него было перо от этой жар-птицы. И вот когда у них отошел пир, они все разъехались по своим странам.

Теперь уж пойдем за Иваном. Вот этот Иван-царевич попадает со своим лакеем. Далеко ли, близко, все едут и едут. Вот они ехали, ехали, а потом утомился ихний конь упал на дороге, и им пришлось бросить его и итти пешеходом. Долго они шли по дороге. Ну, ведь царевич молодой, дак не может итти так быстро, как лакей, а все-таки поддерживается. Вот они шли-шли, потом подходят к колодцу. Иван-царевич и говорит:

— Но, давай этта остановимся, подзакусим и поотдохнем.

Колодец был очень глубокий, а Ивану-царевичу хотелось пить. И он и говорит слуге:

— Ну-ко, слуга, спустись в колодец и достань мне воды. А этот слуга и заговорил:

— Слушай, Иван-царевич, если я опущусь, так тебе меня не выздынуть будет, а лучше ты спустись, нам легче будет.

И вот он, конечно, не переменял слова его. Слуга привязал пояс к нему и спустил в колодец. Когда он напился, и говорит:

— Ну, так, Ванюша, здымай теперь меня обратно, я напился, А он ему и говорит на ответ:

— Нет, Иван-царевич, я тебя обратно здымать не буду. Если отдашь мне царскую одежду, да будешь служить у меня лакеем Иваном, а я буду Иваном-царевичем, дак тогда вытяну, а иначе оставайся в колодце. Он тогда сказал:

— Ну, уж буду служить тебе лакеем и отдам царскую одежду.

И клянется ему всем на свете. И вот так он вытянул его. Иван-царевич не переменял слова своего, кряду же стал раздеваться и отдал ему свою одежду, а сам надел лакейское платье. И так они пошли дальше. И идут, и идут себе и не через долго приходят в одно царство. Когда они пришли только в царство, то сразу идут к царю во дворец. Там видят, что идет чей-то царевич, и встречают его с радостью. Расспросили царевича, как его звать.

И он все обсказал им: что он такого-то государства есть Иван-царевич. Тогда говорит царь:

— Ну, Иван-царевич, куда прикажете своего лакея класть, на какую должность или что с ним будете делать? Он отвечает:

— Ваше величество, нет ли какой-нибудь работёнки ему, хоть бы куриц пасти, ли может каким-нибудь пастухом. Я на то согласен, чтобы он не возжался без дела тут. Отвечает ему царь; — Вот что, Иван-царевич, нет у нас такого дела, чтобы куриц пасти, либо другое что, а вот есть у нас триста зайцев, так может ли он их пасти, чтобы не растерять? И пасти их нужно три года. И когда он будет пасти, в течение трех лет хоть одного потеряет, то он за это будет наказан.

— Ну, он может пасти.

Итак, отвели ему комнату. На второй день сдали на руки этих зайцев. Он сосчитал их, конечно, и выгнал пасти в первый раз (каждый выгон — год, к году должен всех пригонять). Выгнал он их за город и погнал в лес. И вот только что выгнал их в лес, зайцы увидели кусты и разбежались кто куда. Он целый день бегал, бегал за ними и ни одного не мог и на глаза схватить. К вечеру он и думает: «Вот я теперь попал на смерть».

Увидел большой камень, пал на него и заплакал. И до того заплакал, что лицо опухло у него от слез. Потом и вспомнил: «Ох, хоть бы жар-птица мне помогла!» А это было дело ночью. И вдруг он вскинет глаза и смотрит: стает солнце. И это солнце стало ближе и ближе. И не солнце, а прилетела к нему жар-птица. Прилетела и говорит:

— Что ты плачешь, Иван-царевич, садись на меня и полетим ко мне. Все твои зайцы будут спокойны, только садись на меня.

Она посадила его на себя и полетела. И поднялась настолько высоко, что он худо и землю видит. И вдруг прилетает к высокой горе. Гора разошлась на две части, и они залетели в эту гору. Смотрит Иван-царевич, а там большое царство и такое богатое, что кругом только золото да серебро. Они зашли в дом. Жар-птица посадила его за стол.

— Теперь я у тебя ничего не буду спрашивать, Иван-царевич, пока ты не попьешь, не поешь.

И сама ушла. Не через долго приходит царь:

— Ну, здравствуй, Иван-царевич, что желал, то и получил. Я не птица-жар, а я есть царь этого государства. Ты знаешь, как судьба затянула меня в ваше государство: я был на войне по соседству с вашим царством и обессилел совсем и попал в сило. И только у тебя поправился до прежнего положения и за то, что ты меня выкормил и выпустил, я все тебе отомщу, что пожелаешь. Вот теперь поживи у меня дней шесть, потом я тебя поведу к моей старшей сестре. И ты там пробудешь, одиннадцать месяцев проведешь, будто один день, и все печали и горести свои ты забудешь.

Вот он прожил шесть дён. Ему показалось за шесть часов. Исполнилось шесть дней, тогда царь позвал его к своей старшей сестре. Привел к сестре и говорит:

— Вот, сестра, угощай Ивана-царевича, чем он только желает, и проси его, что он от тебя хочет. Держи его одиннадцать месяцев, а потом представь ко мне.

Она его с радостью приняла, Ивана-царевича, и стала его поить-кормить, угощать и ублажать. И у него пошла такая счастливая жизнь, что эти одиннадцать месяцев показались за одиннадцать дён. И вот на одиннадцатый месяц она у него стала спрашивать (раньше-то и не спрашивала ничего), когда оделась в самую дорогую одежду, и спрашивает его:

— Ну, Иван-царевич, скажи, чем мне отомстить, отплатить За моего брата, скажи только, что пожелаешь, я тебе всего даю: бери, Иван-царевич, золота, сколько тебе надо, бери серебра, бери жемчугу, камнейев самоцветных, бери только, что тебе надо.

Но он от всего отказался:

— Ничего мне не надо.

— Ну, уж коли ты ото всего отказываешься, то возьми от меня хоть скатерётку-хлебосолку, как ты живешь при царстве бедно, дак не отказывайся, она тебе пригодится.

Он берет эту скатерётку-хлебосолку, и она еще ему сказала:

— Когда ты придешь домой, наложь ей на стол, и тебе всего будет, сколько надо. Не думай, что оно убудет, это будет навсегда.

И кряду же она представила его своему брату после Этого. Когда она представила его к брату, то сказала:

— Ничего, братец, Иван-царевич за тебя выкупа не берет, только дала я ему одну скатерётку-хлебосолку, больше ничего не взял.

Ну, ладно, и на том спасибо, сестра, — отвечал ей царь.

После этого она распростилась и ушла. Вот и говорят этот царь:

— Иван-царевич, ведь завтра уж год, как ты у нас живешь. (Вот провел время-то скоро!)

— Да, Иван-царевич, я теперь тебе даю гармошку и унесу к городу. Ты заиграй в эту гармошку, и твои зайцы все, как один, найдутся; только пусть считают — ты ни об чем и не думай.

Сейчас же он обернулся жар-птицей, посадил его на спину и поднялся. Поднялся так высоко, что всю землю скрыл. И скоро представил его в это царство. Сам улетел, а Иван-царевич пошел с этой гармошкой в город. Подошел только к городу и заиграл в гармошку. Смотрит, а со всех сторон один за одним бежат эти зайцы, только считай. Вот открыли ворота и

начинают считать. Когда сосчитали, то все зайцы были полностью. И до чего эти зайцы были хороши, доложили царю, что вышли они такие гладкие, да хороши. Когда царь пришел, посмотрел и говорит:

— Ну, этому пастуху надо дать самую хорошую пищу, такую, какую мы сами едим, — и потом еще добавил: — Можешь теперь трой сутки гулять и отдыхать, а потом снова погонишь.

И вдруг приходит этот Иван — Ивана-царевича лакей, как Иван-царевич, — и говорит:

— Какую ему хорошу пищу? Дайте ему хлеба да воды, больше ему ничего не надо.

Тогда Иван-царевич, конечно, ничего не сказал, приходит в свою комнату. Принесли ему хлеб и воду. Он взял хлеб нищим отдал, воду вылил в ракумойку, а сам развернул скатерётку-хлебосолку. Ну, тут ему, конечно, было что пить-есть. Вот стал есть. Поел и раздернул свою гармошку, и так стал играть, что собрались все придворные смотреть. Услыхала и царская дочь и говорит своим нянюшкам:

— Нянюшки, мамушки, кто это так хорошо играет? Пойдемте, мне надо посмотреть. Я такой игры еще не слыхала в нашем государстве.

Те, конечно, не могли отказаться, пошли с ней. Идут по двору, на эту гармошку и подошли к той хижинке, где сидел Иван-царевич, играл. Она приказала служанкам открыть дверь, и все они зашли вместе в эту избушку. Иванушко сидел и играл на гармошке, а перед ним стояла скатерётка-хлебосолка. Вот, когда она пришла и поздоровалась:

— Здравствуй, пастушок, давно ли ты у нас пасешь зайцев?

Он говорит:

— Год скоро придет другой. Вот что, ваше высочество, не угодно ли со мной садиться за стол со своими нянюшками?

Но, она не могла отказаться, потому что у них и в царстве не было того, что стояло у него на столе. Тогда они сели за стол, а Иванушко стал играть на гармошке. И так она его слушала, что думала, прошло всего два часа, а между тем уж прошло два дня, и она все сидит за столом вместе со своими нянюшками.

И вот эти нянюшки стали говорить:

— Слушай, прекрасная царевна, не время ли нам итти прочь, потому что время, наверно, уж много. Потом она встала на ноги.

— Да, пожалуй, пойдем.

Попрощались с Иванушкой и пошли во дворец. Отцу про это ничего не сказала и не велела нянюшкам говорить, запретила. Сама про себя и думает: «Ежели удастся еще раз итти, я не возьму с собой нянюшек. Наверно, он мне скажет, кто он такой есть; уж не простого звания, коли имеет такие вещи за собой» — стала догадываться.

Вот прошло три дня, надо Ивану опять выгонять зайцев своих в лес. Он закрыл комнату, пришел к воротам, сосчитал зяицёв и погнал. Гармошку взял с собой. Выгонил только до лесу, смотрит, зайцы все один по одному стали теряться, и все потерялись, никакого он больше не видит. Пришел уже вечер. Он приходит к этому камению и думает: «Ну, ладно, теперь я сыграю в гармошку, наверно, мои зайцы найдутся».

Начал в гармошку играть. Но его все труды даром пропали. Сколько он ни играл, ни одного зайца больше не видит. Играл, играл, лег потом на этот камень и горько заплакал: «Что теперь мне делать?» Вот немного поплакал, скинул глаза, видит — стает солнце; сам думает: «Нет, это не солнце, не что иное, как это жар-птица». И видит; все ближе и ближе, и, наконец, она к нему прилетела.

— Ну, что, Иван-царевич, плачешь? Наверно находишься в худом положении? Садись на меня!

— Да что, как не плакать, растерял всех зайцев. И играл, играл на гармошке, а ни одного не вижу.

— Да тебе и не увидеть будет, лучше садись на меня и полетим в мое царство.

И гак он сел на жар-птицу, и полетели. Сначала понесли так высоко, что скрылась земля. Потом прилетели в ейное царство. Опять раздвоилась гора на две части, и они залетели туда. Завел он его к себе в дом, напоил, накормил и говорит:

— Вот, Иван-царевич, живи ты у меня сутки, а потом я тебя поведу к моей средней сестре. И также проживешь ты у нее одиннадцать месяцев. И она тебе даст, что ты пожелаешь, за то, что выпустил меня.

Так он и сделал. На второй день повел его к средней сестре и все обсказал, как и в первый раз.

— Здравствуй, сестрица, вот я тебе привел Ивана-царевича. Пой его, корми, сама знаешь, за что, и сделай все, что он пожелает.

И сам ушел. Да, вот он и живет, и живет так весело, что и сам не знал, как прошло одиннадцать месяцев, как одиннадцать дён.

Вот после одиннадцати месяцев эта сестра оделась тоже в самую дорогую одежду, а она еще красивее была первой, и спрашивает его:

— Ну, скажи теперь, Иван-царевич, что тебе надо за спасенье брата? Скажи правду, ты еще сейчас молодой, мысль твоя может ходить на все.

Больше дальше она говорить ничего не стала. Он и говорит:

— Слушай, прекрасная, мне ничего не надо.

— Ну, бери мешок золота, бери меток серебра или жемчугу.

— Нет, мне ничего не надо. Мне первая сестра и так подарка много.

— Ну, смотри, больше у меня дарить нечего.

Потом уходит в одну комнату и приносит плеточку.

— На, Иван-царевич, это тебе пригодится в первую очередь. Когда ты придешь ко дворцу и у тебя не будет Зайцев, ты как только придешь, то ударь по дороге три раза крест-накрест и увидишь, что будет: они побежат один за одним, только кричи, чтобы ворота отворяли да их считали. Теперь пойдем к брату, ты уж прожил у меня одиннадцать месяцев.

Берег его за руку и повела к брату. Привела к брату и говорит:

— Ну братец, Иван-царевич никакого подарка от меня не взял, я только подарила ему плеточку; я знаю, что ему пригодится эта штука, когда будет собирать зайцев.

— Ну, ладно, сестра, хоть ты и это догадалась ему дать.

Тогда она попрощалась с Иваном-царевичем и вышла домой. После этого он ему сказал:

— Ну, Иван-царевич, на завтрашний день я тебя снесу на старое место, а сегодня ночуй еще ночь и слушай, что я тебе скажу: в этот раз я тебе не дам ничего. Если дать тебе силу богатырскую, так мне тяжело будет нести тебя. И в этот раз также не укажу тебе, где конь богатырский и латы, и меч-кладенец, — это все обскажу, когда ты будешь у меня третий раз. Все равно не миновать тебе третьего раза побывать у меня.

Когда ночь переспал, утром встали, и он опять обратился в жар-птицу и унес его. Прилетел к царству, опустил его и сказал:

— Ну, вот, сестра дала тебе плеточку и сказала, как с ней обращаться, так ты и делай.

И сам улетел.

Он пришел к самому городу и начал плеточкой ударять. Раза три ударил крест-накрест и смотрит: зайцы бежат, как вицу вьют. Он закричал:

— Отворяйте ворота, считайте зайцей!

Сейчас же открыли ворота и зачали считать. Все были зайцы налицо. И такие были тельные, как налитые, и выросли почти в два раза. И кряду же доложили до царя. Как царь пришел, посмотрел зайцёй и говорит:

— Ну, у меня таких пастухов не бывало. Надо этому пастуху дать такую пищу хорошую, какую .едим сами. Теперь тебе, Иван-пастушок, дам четыре дня отдыху: гуляй!

День прибавил в этот раз. В это время выходит Иван-царевич и говорит:

— Моему пастуху Ивану ничего не надо, только давать коврижку хлеба да воды.

Вот опять ему принесли хлеба и воды. Хлеб он нищим отдал, а воду в умывальник вылил. Развернул скатерётку-хлебосолку, позакусил и взял раздернул гармошку. Так заиграл, что все царство развеселил. Когда услышала царевна Олександра, она ничего не сказала своим нянюшкам, а прямо убежала к своему пастуху Ванюшке. Прибегает, дверь отворяет. Он кряду и говорит:

— Ну, прекрасная царевна, садитесь со мной кушать!

Она сейчас села с ним за стол. Второй-то раз дак, брат, и посмелее, а вдосталь одна пришла, дак!

— Скажи, дорогой мой Ваня, наверно, есть ты не простого рода? Скажи всю правду, откройся, может быть будешь ты тогда счастливый. Он и говорит:

— Да, прекрасная царевна, я бы хотел узнать, как вас звать по имени?

— Меня зовут, Ваня, Олександрой-царевной.

— Спасибо, что сказала.

Потом он наливает по кубку меду и говорит:

— Вот, прекрасная царевна Олександра, выпей этот кубок, тогда я скажу, а раньше ничего тебе говорить не буду. Она с радостью взяла кубок в руки и говорит; — Давай, Ваня, выпьем, хотя я и не пивала, ну, уж послушаю, выпью.

Они колнулись и выпили.

— Ну, скажу теперь тебе, Олександра-царевна, только ты никому не говори до тех пор, пока этр время все не обойдется. Да, и вот слушай: я, конечно, правда, Иван-царевич есть, а он мой слуга, лакей. Когда я спустился в колодец напиться, он не хотел меня здымать обратно, и я таким манером отдал ему свою царскую одежду и стал на его место, а он на мое. И теперь я пасу уже второй год в вашем царстве зайцей. И еще скажу, из-за чего я выслан из своего царства: а выслан я из-за того, что выпустил у батюшка жар-птицу. И вот через это мне сейчас помогает жар-птица и дарит, что я захочу. Но только ты про это не говори ничего никому, чтобы не знал об Этом мой лакей, а ваш названный Иван-царевич. Теперь она и говорит ему:

— Ну, ладно, Иван-царевич, я все равно за него замуж не пойду, а пойду за тебя.

Снимает с руки перстень и дарит ему:

— Вот мой перстень — бери и считай меня своей.

Вот уж проходит три дня, а она все сидит с ним, а он играет на гармошке, утешает ее.

— Ну, теперь, прекрасная Олександра-царевна, вам надо итги, а мне завтра надо гнать зайцей пасти.

И вот, когда она ушла домой, она стала больше и больше думать об Иване-царевиче, но, конечно, молчала и тайла это про себя. На четвертый день он таким же манером выходит и начинает зайцей считать, и когда сосчитал их, погонил. И вот только выгнал их к лесу, как зайцы все разбежались, и он их и не видит (худо зайцей пасти!). Он сперва гонялся, гонялся и потом говорит:

— А что мне гоняться, у меня есть и плеточка.

Провел время до вечера и стал плеткой этой по дорою крест-накрест ударять. Но сколько он ни бился, не видать зайцей. Вот обиделся, сел на камешок и заплакал: «Ну, если мне жар-птица не поможет в последний раз, теперь мне придет крах».

И вот немного поплакал, смотрит, как будто огонек издалека горит. «Ну, это, наверно, не что иное, как жар-птица летит мне помогать». Огонек все ближе и ближе. И так прилетела она к нему и говорит:

— Полно, Ваня, плакать, садись на меня, полетим!

И вот он сел на нее, и они поднялись и полетели. Гора опять разошлась, и они залетели в царство. Завел его в дом, посадил за стол, напоил, накормил и говорит ему:

— Ну, Ваня, живи у меня сутки. А я тебе все подарю то, что я обещался, а потом поведу к младшей сестре.

Прожил он у него сутки, а на вторые повел он его к младшей сестре. Привел когда, и говорит:

— Вот, сестрица, привел я тебе Ивана-царевича, угощай его. Дай ему все то, что он захочет. Ты сама знаешь, он молод, и дари, чем можешь.

Она сейчас уходит и оделась в такую дорогую одежду, и приходит. Те две сестры были красивы, а эта еще краше. Она сразу Ивану понравилась. Когда она пришла, села рядом с Иваном и начала говорить:

— Ну, скажи, Иван-царевич, скажи, что ты желаешь за избавление моего брата? Надо ли тебе золота, серебра, одним словом, чего только пожелаешь? Я все отдам тебе, ничего не пожалею!

Он все сидел, молчал и глядел на нее. Он, конечно, отказался от золота и от серебра и сказал:

— Мне ничего не надо. Уж ты, наверно, сама знаешь, прекрасная, что мне надо, — наконец сказал.

Она сразу смекнула.

— Слушай, Иван-царевич, ты молод, может быть хошь тениться, я могу найти для тебя и невесту, какую только пожелаешь.

Она вспомнила туг слова брата. Теперь он зглянул на нее. У него сердце так и обрадело. «Что, если я возьму ее замуж?» Но ей ничего этого не говорит, думает еще про себя только. А потом вспомнил Олександру-царевну, которая ему обещалась и от которой у него был перстень, и сказал ей:

— Нет, прекрасная царевна, я еще молод и жениться еще мне рано, а может быть ты в чем-нибудь в другом мне поможешь?

Тогда она немного подумала:

— Чем же я тебя буду дарить, такого дорогого гостя?

Ушла потом в другую комнату. Приносит одежду и сказала:

— Ну, на, Иван-царевич, скинь свою одежду и надень эту, а сверху опять надень свою и не показывай никому этой одежды. Такой одежды ни у кого нету. Я пасла ее для своего мужа, но уж теперь возьми ты за спасенье моего брата, у меня все равно ничего не вышло (не открывается ему-прямо, а намеки дает).

Иван кряду же разделся, эту одежду надел, а свою наверх. В это время уже прошло одиннадцать месяцев. Потом она ему и говорит:

— Ну, Иван-царевич, пойдем к брату, он тебя там еще будет дарить.

Взяла его за руку, поцеловала и говорит:

— Ну, не удалось мне с тобою жить, уж коли сам отказался, — тут она уж ему покаялась. Привела к брату и говорит:

— Вот я тебе привела Ивана-царевича, ну, только подарков он никаких от меня не берет. Только я ему подарила ту одежду, какую ты сам знаешь.

— Ну, ладно, спасибо, сестра.

Она распростилась и ушла. А тогда подошел царь.

— Ну, скажи, Иван-царевич, скучно ли тебе было? Ты прилетал к нам три раза и жил у нас три года, скажи правду.

Он говорит:

— Нет, ваше величество, мне было жить не скучно. Эти все три года мнр, может быть, показались за три дня.

— Ну, хорошо. Я для тебя все дорогое хотел отдать, но ты отказался сам. Конечно, без этого жить ты не станешь, но уж раз ничего не вышло, так не будем говорить.

Сестра шла на все уступки, но ты сам отказался (ему хотелось женить его на своей сестре, да не вышло), ну, а теперь, что обещано, я буду говорить, слушай, Иван-царевич. Вот тебе, Иван-царевич, как придешь домой, царь даст пять суток отдыха. На шестые сутки царю падёт несчастье — выстанет из озера змей и будет просить человека каждый день на съедение, и потом присудят царскую дочь вести к нему. Первый змей будет шестиглавый, а их

всех три: шести-, девяти — и последний — двенадцати-главый. Шесть и девять — ты с ними легко справишься, ну, а с двенадцатиголовым тебе будет трудно. Первые десять голов ты легко снесешь, а последние две головы придет очень трудно. Будете биться вы двоим сутки с ним. И вот на вторые сутки спомни меня. Как будет ставать солнце, ты ему скрычи: Смотри, проклятое чудовище, дом у тебя горит!" Он оглянется, и тогда только у него отрубишь последние две головы. Смотри, не затягивай на третьи сутки, а то он тебя убьет. — Теперь и говорит: — Вот тебе, Иван-царевич, две бутылочки: из одной выпей рюмочку, из другой — две. Только сейчас не пей. Выпей, когда это будет тебе надо. И вот ты, на котором камени лежал, плакал, помнишь этот камень?

— Помню.

— Так вот, под этим камнем есть конь богатырский и латы, и меч-кладенец. Ты из бутылочек как выпьешь, так легко этот камень отвернешь. И вдруг он приносит ему рожок.

— Вот, Иван-царевич, тебе этот рожок, как в него сыграешь, то все эти зайцы соберутся. А теперь садись на меня, и я тебя унесу. Мы распростимся, и ты не увидишь меня больше никогда. Только не забудь, что я тебе сказал.

Затем он посадил его себе на спину, и полетели. Принес он его в это царство, еще раз подал ему руку и сказал:

— Помни мои слова!

После этого сам скрылся. Вот, конечно, подходит к самому царству. Сыграл раз, другой в этот рожок, — смотрит, а зайцы бежат, что вода льется.

— Открывайте ворота, считайте зайцев!

Кряду же открыли и стали считать. Сосчитали и говорят:

— Но, Иванушко, ты, значит, работу свою кончил!

Потом доложили царю, что зайцы все налицо и здоровы и тельны.

— Такого пастуха мы еще не видали, а живем давно в своем царстве.

Вот когда посмотрел царь своих зайцев, и говорит:

— Но, молодец, Иванушко, кончил свою работу хорошо, надо тебя кормить теперь самой лучшей пищей и отдыху даю тебе пять дён.

Но опять же выходит этот названный Иван-царевич и говорит:

— Кроме хлеба и воды, ему не надо ничего давать, он и дома это только ел.

Ну, а ему и не надо, не нуждается он в ихней пище. Вот заходит он в свою комнату, а уж принесли воду и хлеб. Хлеб он отдаст опять нищему и воду выливает в раковину. Потом умылся, раздел сверху свою одежду, сел за стол и взял в руки гармошку. Как услышала царица эту игру, у нее сердце дрогнуло, и она кряку побежала к Ивану-царевичу. Как она пришла в избу, как увидела Ивана-царевича, уж совсем в другой форме. И до чего он стал красивый и румяный и весь переменялся. Известно, в хорошую одежду ступу наряди, и та будет хороша, а не то человек, да еще вдоволь молодой. И одежда на нем, даже оценить невозможно. Она совсем такой не видала в своем государстве. Она не стерпела и бросилась ему на шею.

— Милый Иван-царевич, делай со мной, что хошь, а я на все согласна!

И вот он, конечно, обнял ее, прижал к себе и сказал:

— Ну, так и быть, прекрасная царица, будем жить, пока живется.

И они легли спать, недосуг в гармошку в этот раз играть, и прожила она у него целых два дня. Он ей и говорит:

— Слушай, прекрасная царица, теперь пора тебе итти, а то если кто узнает: царь ли, кто из прислужных, что ты здесь, то мне будет худо, хотя я и не боюсь, да и тебе нехорошо.

Ей было очень жалко, но уж надо итти. Когда она пришла домой, то служанки спрашивают:

— Где вы ходите, ваше высочество, — уж отец вас спрашивал.

Знает она ответ сказать, не надо учить, кто на что пойдет, дак!

— Я была у одной княжны, у своей подруги, приглашена была на банкет, и там меня затянуло очень долго.

Тем и кончилось. Вот прошли сутки. Нетерпится ей, надо сбежать посмотреть Ивана-царевича опять. И убежала. Приходит к дверям, колонула. Он открывает двери, уж знает. И кряку бросилась ему на шею и давай его целовать. Пожила с ним опять сутки, он ей и говорит:

— Теперь ты пооди домой, прекрасная Олександра. Нам скоро не увидаться, потому что в городе будет несчастье, но все-таки ты будешь моя, как у нас сказано, так и будет.

Она пришла домой, а на пятые сутки приходит посол из озера и требует каждый день по человеку на съедение шестиглавному змею, а то царскую

дочь за него замуж. И пригрозил, что если сам придет, так все царство разорит. Царь сильно задумался:

— Что, если по человеку он в день будет пожирать, то все царство прижрет и все равно и дочь возьмет.

И присудили лучше отдать дочь сразу в замужество. Тогда царь пишет такой доклад:

«Ежли кто найдется, спасет мою дочь, тому будет она отдана в замужество и полцарства, а впоследствии он будет поставлен на царство».

Тогда подходит этот Иван-царевич, который находился у них.

— Ваше величество, позвольте, я вам слово скажу.

— Ну, говори, Иван-царевич.

— Вот, ваше величество, я хочу спасти вашу дочь и на ней жениться, только дайте мне коня и припасы все.

Царю это очень понравилось. И все это было снаряжено в одни сутки. Ему был конь и доспехи, а царевну посадили в черную карету, и они отправились кряду же к озеру. Но, а Иван-царевич все это дело слышал и знал. Берет эти две бутылочки и пошел к этому камню. Приходит, распечатал эти бутылочки и выпил из одной рюмочку, из другой две. И почувствовал в себе такую силу необыкновенную, что сам удивился. И как подошел, этот камень снял, как будто шутя. Отвернул, и спускается туда. А там стоит конь вороной, и повешена сбруя вся: латы висят и меч. Он сейчас выводит коня, оседлал его, конечно, обуздал. Надел латы богатырские, опоясал меч и вскочил на коня. Едет и видит, что Иван-царевич тоже едет, но он ему ничего не сказал, проскочил, словно молния, мимо него и обогнал также и царевну. Подъехал к озеру и поезживает. И только подъехала эта царевна, сразу заставляла вода до шести раз. На седьмой раз выскакивает змей и говорит:

— фу-фу, какой царь милостивый, я ждал одну царевну, а он мне дает вместе с Иван-царевичем, вот я и пообедаю. А Иван-царевич ему на ответ:

— Не хвастай, поганое чудовище, обедом, может, подавишься, сперва испытай, а потом и хвастай! А он и говорит:

— Но, чем спорить, так давай, поедem воевать.

Только съехались в первый раз, Иван-царевич отрубил ему три головы. Другой раз съехались — отрубил змею и остальные три головы, потом отрезал языки,

склад в карман и приехал к царевне. А царевна не узнала его и стала спрашивать:

— Скажи, добрый витязь, кто ты есть, хоть я тебя потом где узнаю.

— Так что, Олександра-царевна, скоро ты забывать стала, как не узнала Ивана-царевича.

Она прибежала кряду к нему, обняла и стала плакать.

— Ну, не плачь, прекрасная царевна, мне надо ехать. А ты никому про меня не говори, все равно еще два раза мне надо тебя спасать.

Сам вскочил на лошадь и уехал в лес к тому названному Ивану-Царевичу. А тот ухоронился в лес, чтобы хоть его-то не съел змей. — Спаситель тоже!

Как только увидел, что едет этот богатырь, то кряду стал спрашивать и узнал, что он есть Иван-царевич. Вот он стал говорить:

— Слушай, Иван-царевич, стойся минутку, я с тобой заговорю. Отдай мне, Иван-царевич, языки, а бери с меня, сколько тебе надо денег или чего ты пожелаешь. Он говорит ему:

— Ты ведь сам знаешь, что они не продажны, а оветны.

— А что за овет?

— А вот по пальцу с ноги и по пальцу с руки даешь, вырежу, — тогда бери.

Он согласился, дает ему руку, он обрезал ему ножом палец с руки и палец с ноги; отдал ему языки, и сам уехал. А названный Иван-царевич приехал к царевне и сказал:

— Слушай, если скажешь, что не я убил змея, то я теперь убью тебя саму!

Она ему и говорит:

— Слушай, Иван-царевич, я согласна быть твоей женой и никому не скажу, что не ты убил змея.

Вот они поехали в царство. А Иван-царевич тем временем приехал к тому камню. Как подъехал, то соскакивает с коня, снимает уздечку и седёлку, конь и заговорил:

— Слушай, Иван-царевич, не спускай меня под камень, а я лучше пощиплю травы и, когда надо, — крикни, и я буду служить тебе верой и правдой. А сбрую и меч положи под камень.

Он тогда:

— Но, ладно, коли так, я тебя спущу, не извернёшься?

— Нет, Иван-царевич.

А сбрую и все боевые припасы спустил под камень. Приходит потом домой и свалился спать. И вот он спал трои сутки беспробуду. А на четвертые сутки пришла царю опять тревога от девятиглавого змея. Этот угрожает еще пуще, чем первый. Потом царь подходит опять к названному Ивану-царевичу.

— Ну, Иван-царевич, коли взялся спасать царевну, так собирайся!

Опять таким же манером они поехали, и Иван-царевич пошел за нима вслед к тому же камению. Приходит к камению. Достал все доспехи и стал кричать своего коня. Только крикнул, конь несется, точно молния, и стал перед ним, как вкопанный. Он его обуздал, обседлал, надел на себя латы богатырские и поскакал. Вот прискакал под гору, а уж там была царевна. А этот самозванец скрывался в лесу. Начинает вода ставать. Выстала до девяти раз, и на десятый выстал змей.

— Фу-фу, — говорит, — ты моего брата убил, меня не убьешь — я посильнее его в два раза. Возьму на долонь, другой прихлопну, и останется грязь да вода! Он и говорит:

— Ну, не хвастай, поганое чудовище, в поле едучи. Чем спорить, дак давай лучше воевать!

И вот кряду же обои разъехались. В первый раз съехались — Иван-царевич отрубил змею три головы. второй раз съехались — опять три головы отрубил и на третий — тоже три. Сейчас спускается, языки отрубил, в карман сунул и сам прочь поехал. Подъезжает к царевне. Тая с радостью бросается к нему обнимать, а он ей и говорит:

— Надь мне ехать, прекрасная царевна.

Сам сел на коня и уехал. А в это время тот Иван-царевич дожидает его на дороге и говорит:

— Ну, слушай, Иван-царевич, продай мне языки или бери, что хоть.

— Ты знаешь, что они оветны. Вот дай еще вырежу по пальцу и вырежу из спины ремень.

И он на это согласился.

Кряду же Иван-царевич отрезал у него по пальцу и вырезал ремень со спины. А этот царевич поскакал к царевне.

— Будешь ли говорить, что не я убил змея, тогда сейчас убью!

— Нет, Иван-царевич, уж первый раз не сказала, дак и второй не скажу, а буду твоей женой.

После этого они отправились в город. А Иван-царевич к своему каменю. Убрал латы и сбрую, а коня спустил на волю и сам пошел, повалился спать. Спал он весь день. Вот прошло шесть суток, и приходит посол и просит опять же царскую дочь в замужество за двенадцатиголового змея. Царь прочитал письмо, испугался, кряду пришел к Ивану-царевичу и говорит:

— Но, Иван-царевич, спасешь еще раз — и потом свадьбу будем играть.

И кряду стал собираться. Отец и мать вышли ее провожать и плачет. И она тоже плачет и говорит:

— Может быть, поди знай, и не вернусь, змей двенадцатиголовый, и трудно будет с ним Ивану-царевичу!

Поди знай, про которого сказала она! Они поехали. А Иван-царевич идет к этому каменю. Достал сбрую и латы и закричал коня. Конь прибежал к нему и стал как вкопанный. И вот надел он ему седло, уздечку, а на себя — латы богатырские и поскакал к озеру. Прискакал к озеру — еще змея не было. Царевна выходит из кареты и говорит:

— Слушай, Иван-царевич, сядем, посидим, покуда не будет ставать змей.

Он спустился на землю с лошади, его ударил крепкий богатырский сон. Она стала его будить. Обнимает, целует, а разбудить не может. И вот уж вода стала в озере ставать а его она разбудить не может никак. Вот-вот уж и обоим смерть. Конь щипал траву и смотрит. Потом прибегает, как ударит его копытом по голове, он и проснулся. Только успел скочить на лошадь, как на тринадцатый раз вода здынулась и выстал змей. Выстал и говорит:

— Ну, счастье, что успел скочить на лошадь, а то сейчас бы обоих сглотнул.

А царевна в это время убежала в шатер.

— Ну, ладно, уж коли ты убил одного моего брата и другого, — меня не убьешь, я посильней их!

— Ну, что же, пусть ты и сильней их, только не хвастай, в поле идучи, а хвастай, из поля едучи. Отвечает ему змей:

— Ну, чем спорить, Иван-царевич, лучше, видно, померяться силами, а там видно будет, чья возьмет!

И они разъехались. Иван-царевич с первого раза отрубил у него три головы. Второй раз съехались — тоже отрубил три головы. На третий раз — отрубил тоже три головы. Осталось еще три головы. Вот сутки они пробились, он больше ни одной головы срубить не может. А отступаться некоторый не хочет, хоть и уставать стали сильно. Вот на вторые сутки он отрубил ему десятую голову, одну. И так провозились уж почти двои сутки. А сбить его с лошади змей не может никак. Вот начинает ставать солнышко, а они оба уж истомились до последней степени. Тогда Иван-царевич собрал последние силы, подъехал к нему и скрычал:

— Смотри, поганое чудовище, ведь дом твой горит!

И только тот отвернулся, как он отсек ему остальные две головы. И это чудовище покатилося на него, но он успел отскочить в сторону с лошадьё. И вот как раз, когда чудовище покатилося на землю, оно немного задело и оцарапало у него руку правую, а у коня ногу правую. Тогда Иван-царевич слез с лошади, отрубил языки, собрал их в карман и подъезжает к царевне, а она в это время все видела, что было Ивану-царевичу очень трудно, но все-таки он его победил, и она обрадовалась. Вот когда он приехал и соскочил с лошади, она бросилась в его объятия. Обнимала его, конечно, ласкала, и потом он говорит ей:

— Слушай, дорогая, прежде всего обвяжи, оббинтуй мне руку, она ранена и также у коня нога.

Она сейчас срывает с себя платок, перервала пополам и одной половиной завязала ему руку, а другой перевязала ногу коня, чтобы не попал песок и не заразилась рана.

— А теперь я поеду спать. Наверно, просплю девять суток, а вы совершайте свое дело. Ты ведь знаешь, что нужно делать.

Он распростился с ней, сел на лошадь и поехал. Только выехал до лесу, а уж тамотки стоит тот Иван-царевич, дожидает его с поклоном опять.

— Ну, Иван-царевич, уж сделай такое добро, дай еще мне эти языки, что хоть с меня бери, или продай.

— Ведь ты сам знаешь, что они у меня не продажны.

— Но, ладно, так что твой ответ?

— Овет, да уж я и не знаю, что с тебя взять, и так ты весь изрезанный. Да уж так и быть, дай еще по пальцу с рук, с ног, да еще ремень вырежу.

Он согласился. Стал раздеваться. Он у него обрезал с обеих рук по пальцу, а потом вырезал ремень, завернул в платок и поехал. А этот сейчас же сел на лошадь и поехал к царевне. Остановил лошадь и спрашивает:

— Ну, прекрасная царевна, будё скажешь, что я убил змея, дак то ладно, а будё здумаешь обмануть, то тебе жизни не будет.

Она и говорит ему, чуть не сквозь слезы:

— Слушай, Иван-царевич, я не рассчитываю врать, будё желаешь, дак хоть завтра станем начинать играть свадьбу, я совсем готова.

И вот он тут успокоился, и поехали в царство. А этот Иван-царевич приезжает к каменю, схватил камень и все убрал снаряжение, а коню и говорит — А ты теперь гуляй, Воронушко, пока на воле, покудова не понадобится.

Конь ему поклонился и говорит; — Спасибо, Иван-царевич, буду отдыхать теперь, а когда надо, явлюсь по первому зову.

После этого Иван-царевич пошел пешком домой. И только добрал до квартиры, как сразу повалился спать во всей одежде.

Как приехала царевна, и царь узнал, что будущий зять убил и последнего змея, он очень обрадовался. И когда прошло три дня, стали постепенно гости собираться на свадебный пир. И это продлилось у них шесть суток, когда гости полностью собрались. А Иван-царевич все это время спал. На седьмые сутки уже царевна вышла со своим Иваном-царевичем за свадебный стол. Вот и сидят все гости. А она встала на ноги и говорит:

— Батюшко, позволь мне слово вымолвить, можно ли будет?

Он ей говорит:

— Говори, дочка; почему же не можешь, тебе все разрешается.

Она и заговорила:

— Вот что, батюшко, на нашей свадьбе я желаю, чтобы все были конюха, повара, кухарки, казаки, пастухи, и еще я желаю, чтобы был на свадьбе тот пастух, который заицёв пас, как я слышала, что он пас лучше всех, и его надо тоже позвать.

А уж знает, что за пастух. Батюшко говорит ей:

— Ладно, дочка, это твое желание выполню. Здесь все уже есть, и нет только одного пастуха, и ты правильно говоришь, что его надо позвать, так как я им очень доволен, что он мне пэ такого стада за три года не потерял ни одного и выкормил их очень хорошо. Его надо обязательно позвать.

Отвечает ему зять:

— Слушай, батюшко, этого пастуха не нужно звать, потому что он мой лакей.

— Нет, Иван-царевич, мы его обязательно позовем.

И кряду посылают за этим Иваном, заячьим пастухом. Приходит посол к этой избушке. Отворил двери и видит, что этот пастух спит крепким, непробудным сном. Сколько он его ни будил, разбудить не мог, только заметил у него завязанную руку. Из руки высачивалась кровь. И приходят обратно с ответом к царю.

— Я, ваше величество, был у пастуха, но он спит. И спит так крепко, что, сколько я ни будил, добудиться его не мог, только заметил, что правая рука его завязана и из Руки выступает кровь.

А уж она-то знает. Вышла из-за стола, подошла к отцу и говорит тихонько ему, лично одному:

— Папа, пойдем смотреть пастуха. Я покажу, что он за пастух. Больше пока ничего не скажу. Сам увидишь.

Они кряду пошли. А она уже знает, где Пастухова избушка. Когда пошли, царь и говорит публике:

— Вот что, товарищи, вы немножко обождите, а я схожу за одной нуждой.

Приходят к избушке, открывают дверь, а Иван-царевич, конечно, спит.

— Так вот, папа, я тебе объяснюсь, кто есть этот пастух: этот пастух и есть Иван-царевич, а который у нас там Иван-царевич, тот есть его лакей. Я давно это знала, но никому не говорила. Это он выезжал все три раза и убивал змеев. И вот посмотри, последний раз он был обранен, и я перевязывала у него руку своим именным платком там, на месте, а также у егонного коня ногу. И вот он в последний раз, когда уезжал, то мне сказал, что языки отдал тому названному Ивану-царевичу, то он от него какие-то выкупы за них брал, но не знаю, какие.

— Так вот что, дочка, почему он зараныпе себя не объявлял?

— Он потому не объявлял, что знал все заранее, что будет ездить спасать меня. Вот что, батюшке, у него есть такие редкости, что таких у нас и в царстве нет. Но когда он станет, так он сам покажет, я больше ничего не буду говорить.

— Ну, так что же, дочка, постарайся его будить, чтобы он шел с нами на пир.

Она ему на грудь пала и говорит:

— Стань, Иван-царевич, стань, друг дорогой, спаситель мой. Спас ты меня и наше царство от всех змеев.

Наконец, он скидывает глаза. Сел на стул и говорит:

— Слушайте, ваше величество и прекрасная царевна, идите и совершайте все, как было, и пусть Иван-царевич тот сидит на своем месте, а когда я приду, так там все выясню. Когда я приду на пир и попрошу слова, так разрешите сказать.

— Хорошо.

Они и отправились на пир и стали продолжать угощение. А Иван-царевич стал, умылся, руку перевязал и оделся. Ту одежду, что ему дала царевна, сестра жар-птицы, он надел под низ, а свою — наверх и пошел на пир. И сел он на нижний конец стола. Но, конечно, царь уж его видит и знает теперь, кто пришел. Стали обносить чарами. И также приносят Ивану чару. Он выпил и встает на ноги.

— Ваше величество, не велите казнить, а велите слово вымолвить.

— Говори, пастушок, говори, что ты желаешь.

— Так вот, я хочу у вас спросить: почему же у вас зять Иван-царевич сидит за столом и ест в перчатках?

Он дальше не стал спрашивать. Царь кряду и говорит:

— Да что, Иван-царевич, ты видишь, что все люди сидят без перчаток, а у тебя они на руках; но-ко, сними!

Когда он снял обе перчатки, то не оказалось на той и другой руке шести пальцев. Царь начинает спрашивать:

— Ну-ко, скажи, Иван-царевич, почему у тебя пальцев нету? У тебя, как будто бы, раньше были? Он начинает говорить:

— Вот, ваше величество, эти пальцы все змей у меня в боях откусывал.

Тогда Иван-пастушок стал на ноги и развернул платок:

— Ваше величество, а откуда же у меня эти пальцы взялись, сличите-ко, подойдут ли? Он мне эти пальцы отдавал лично сам за то, что брал у меня змеинные языки. Тогда царь сказал:

— Ну, дак что ты с ним хошь, то и делай теперь. А Иван-царевич отвечает:

— Ваше величество, да у него не только пальцев нет на руках, он давал мне еще вырезывать ремень из спины, чтобы я только отдавал ему языки. Сам он не убил ни одного змея.

Правда-то, она все-таки выходит наружу. Потом вылагает он остальные вещи на стол и показывает царю и всем гостям. А тот неподвижно сидел и ничего не говорил. И потом все Иван-царевич обсказал, кто он есть.

— Я, действительно, царский сын Иван-царевич, и за то, что выпустил у отца жар-птицу, за то и был выслан на вольное поселение, а он — мой лакей. Тогда сказал царь:

— Ну, зятюшко Иван-царевич, расправляйся с ним, как хошь, теперь твоя воля, — и сам становись на его место, — бери все обещанное мною.

Потом Иван-царевич захватил Ивана-лакея и говорит; — Подьте, посмотрите, гости, что я с ним сделаю.

И вытащил его на открытое место. Поднял потом и ударил так шибко о каменный пол, что от него осталось только мокро место, больше ничего не осталось. А потом зашел в комнату и говорит:

— Вот что, гости, дайте мне переодеться сроку только пять минут, и я приду.

Сам ушел в умывальню. Кряду же за ним пошла царевна тоже. Вот он умылся, скинул верхнее платье прочь и сделался красавцем. После этого пришли и сели с царевной за стол. Сели за стол. А все гости и царь, все издивились, что он такой красавец, и весь блестит, как в золоте. Угощения было всего довольно, и готовое пили и ели, сколько хотели, а он и говорит:

— Батюшке, позвольте мне принести две вещи; скатерётку-хлебосолку и гармошку, и я угощу вас со своей стороны.

Сбегал за скатерёткой, накрыл стол, и на стол стали такие редкие кушанья, что в царстве их не видали никогда. Все гости пили, ели, радовались и хвалили Ивана-царевича. Потом он взял гармошку в руки и начал играть. Когда Иван заиграл в гармошку, гости сидят и думают, что сидят один день, а просидели

шесть дней. Им показалось за один. Когда он окончил в гармошку играть, то гости стали благодарить и расходиться.

— Наверно, мы уж просидели долго.

Гости разошлись, а они остались с царем сидеть. Тогда Олександра-прекрасная берет его за руки и ведет в свою спальню. Потом царь наделил его всем и впоследствии поставил на царство.

И они стали жить и прожили до глубокой старости.